

Последний из рабов-мужчин, помимо Се Му, тоже встретил свой смертный час.

В некогда оживленной конюшне теперь остались только Чжи Цзы и Се Му... строго говоря, там была еще и одна мертвая плоть.

Это означало лишь одно:

Когда завтра полуденный свет доберется до подоконника, кто-то один из них — Се Му или Чжи Цзы — непременно умрет.

Оба прекрасно понимали это, но никто не проронил ни слова.

...

— Как тебя зовут?

Се Му нарушил молчание первым, попытавшись заговорить с ней.

Он постарался придать своему голосу как можно более мягкий и спокойный тон — страшно было стать для этой девочки той самой последней соломинкой, что ломает спину верблюду.

Услышав слова Се Му, Чжи Цзы сначала замерла на пару секунд, а затем медленно подняла голову.

Она ничего не ответила, лишь широко раскрытыми глазами тупо смотрела на Се Му.

Ее белки были иссечены кровавыми жилками, зрачки расширились до ненормальных пределов, веки непрерывно мелко подрагивали, а под глазами залегли сине-фиолетовые мешки.

На щеках, прежде покрытых угольной пылью и грязной водой, проступило несколько полосок естественного цвета кожи — там пролегли дорожки от слез.

Видя, что она не желает отвечать — или, вернее, что она уже лишилась способности говорить, — Се Му не стал допытываться дальше.

Что до ее имени, Се Му, конечно же, знал его.

Попав сюда, он сразу же проверил информацию обо всех рабах с помощью Всевидящего Ока.

Он просто хотел использовать этот диалог, чтобы проверить состояние Чжи Цзы.

На самом деле, с того самого дня, как Лисела купила ее, Се Му постоянно наблюдал за ней.

С первого дня и по сей день Чжи Цзы не сомкнула глаз ни на секунду — целых семь дней.

Возможно, она с самого начала почуяла неладное. Когда остальные рабы еще тешили себя мечтами о прекрасной жизни, она уже смутно чувствовала, что Лисела вовсе не так проста, как кажется, и уж точно их не ждет счастливое избавление от рабской доли...

У них был лишь один исход — смерть.

Мужество никогда не дается кому-то от рождения, это оружие, которое закаляется в постоянных испытаниях при взрослении.

Когда работорговец рассказывал об условиях договора, Чжи Цзы была единственной, кто расплакался от страха, и чуть было не схлопотала за это жестокую порку.

Но с тех пор она больше не проронила при чужих ни единой слезинки и даже не произнесла больше ни слова. Горький урок научил ее: никто не пожалеет ее слез, защитить ее смогут лишь молчание и хладнокровие.

Она даже собственными глазами видела самоубийство той женщины прошлой ночью — но не стала ни орать на всю округу, ни кому-либо рассказывать, а лишь отвернулась и тихонько заплакала в кулаке.

Никто не знал, о чем думала эта хрупкая, мягкосердечная внутри девочка, наблюдая, как товарищи по несчастью один за другим погибают у нее на глазах, и что она при этом чувствовала.

Се Му никогда не считал себя и Чжи Цзы людьми одного поля ягоды.

Но он признавал ее преобразование — всего за семь дней пройти путь от плаксы-девочки до взрослого человека, научившегося скрывать эмоции и защищать себя.

...

— Я... меня зовут Чжи Цзы.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем мысли Се Му прервал робкий, мягкий голос.

Он повернул голову и увидел, что Чжи Цзы сидит полубоком, обхватив колени руками; челка наполовину прикрывала лицо, и она, словно провинившийся ребенок, исподлобья украдкой

поглядывала на него.

— Меня зовут Се Му.

— П... привет.

Хотя они уже заговорили, она по-прежнему не смела смотреть Се Му прямо в глаза.

После короткой паузы Се Му вдруг выпрямился и с невероятной серьезностью посмотрел на Чжи Цзы:

— Скажи мне, ты хочешь жить?

— Конечно хочу!

Словно на какой-то выключатель нажали, на этот раз Чжи Цзы не колебалась ни секунды. Она широко раскрыла глаза, повернула голову к Се Му и уставилась прямо на его сосредоточенный, глубокий взгляд.

Она, пожалуй, могла бы скрыть свою трусость и отчаяние, но то, чего ей никогда не удастся скрыть — это жажда жизни.

Се Му немного помолчал и продолжил:

— Завтра я сам попрошу Лиселу выбрать меня — я буду с ней торговаться.

— Просто поверь мне, мы оба останемся целы и невредимы.

— Хватит изводить себя, ты уже несколько дней не спала.

Поспи сегодня как следует... завтра все наладится.

Его голос был тихим, но на удивление твердым и решительным, в нем сквозило какое-то невыразимое успокоение.

Чжи Цзы смотрела на этого паренька, который был на несколько лет младше ее самой, и ее глаза были полны потрясения.

Просто... поверить тебе?

...

Ночью.

Се Му не был уверен, действительно ли Чжи Цзы заснула — по крайней мере, она закрыла глаза, свернувшись калачиком рядом с ним, и дышала ровно.

Но сам он уснуть точно не мог.

Хотя днем он и дал Чжи Цзы такое обещание, на самом деле он и сам не был уверен в исходе.

За эти дни он просчитал практически все мыслимые пути отступления.

Но сможет ли все завтра пройти так, как он задумал?

Ночь прошла в тишине.

...

В полдень Се Му сидел с прямой спиной перед дверью конюшни, а за его спиной испуганно жалась Чжи Цзы.

Внешне он казался невозмутимым, но на самом деле его сердце уже подступило к самому горлу.

Словно ожидающий казни в полдень преступник — с частым дыханием и полуприкрытыми глазами.

Дверь конюшни вовремя отворилась, и на пороге показалась Лисела.

Едва войдя, она столкнулась с невероятно твердым взглядом Се Му.

В глазах Лиселы мелькнуло недоумение, она уже собиралась что-то сказать, но Се Му поднялся первым.

Свободно заговорив на чистейшем языке Демонов, он с предельной торжественностью произнес:

— Госпожа Лисела, давайте поговорим.

<http://bllate.org/book/19325/1890113>